

Патрушев Сергей

Дочь Графа

Сергей Патрушев

Дочь Графа

<https://litres.ru/74483527>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анастасия фон Дормонт возвращается в родовое гнездо, чтобы разоблачить ложь об исчезновении матери. Вместо призраков прошлого она находит заговор тайных обществ, магическую печать под замком и брата, превращённого в проводник Бездны.

Узнав, что мать пожертвовала собой ради спасения мира, Анастасия вынуждена принять наследие рода — дар математика вероятностей. Чтобы спасти семью и закрыть разломы реальности, ей предстоит сыграть против регентов и богов, используя логарифмическую линейку вместо меча. Это история о том, как дочь становится палачом во имя любви.

Содержание

Глава 1. Возвращение в родовое гнездо	4
Глава 2. Портрет в заброшенной галерее	16
Глава 3. Первый свидетель — Барон фон Кранц	33
Глава 4. Тайник в библиотеке	53
Глава 5. Служанка, которая слишком много знает	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Патрушев

Дочь Графа

Глава 1. Возвращение в родовое гнездо

Карета, запряженная четверкой вороных коней, остановилась на подъемном мосту. Сквозь мутное слюдяное окошко Анастасия видела лишь свинцовую гладь рва и изъеденные временем каменные блоки стен родного замка Дормонт. Десять лет. Ровно десять лет минуло с тех пор, как отец, граф Леонардо фон Дормонт, посадил ее, тогда еще восьмилетнюю заплаканную девочку, в точно такую же карету и отправил в столичный пансион мадам Дюбуа.

— Приехали, госпожа, — глухо пробасил кучер, распахивая дверцу.

Воздух ударил в лицо запахом прелой листвы, мокрого камня и торфяного дыма из замковых труб. Осень здесь, на севере королевства Эстрелия, пахла не пряной корицей и печеными яблоками, как в столице, а сыростью склепа. Анастасия ступила на брусчатку внутреннего двора, придерживая тяжелый дорожный плащ. Шелк платья цвета грозового неба, сшитого по последней моде, казался неуместным сре-

ди серых лат стражников и закопченных факелов.

Замок изменился. Он стал выше, угрюмее. Отец перестроил западную башню, добавив ей острых зубцов, отчего она теперь напоминала хищно оскаленный клык. Флаги дома Дормонтов — черный ворон на серебряном поле — висели неподвижно, впитав влагу утреннего тумана. В них не было жизни.

На парадном крыльце стоял он. Граф Леонардо почти не постарел за эти годы, разве что седина окончательно поглотила остатки смоляных волос на висках, да вертикальная складка между бровей стала глубже, превращая его лицо в непроницаемую маску из гранита. На нем был строгий дублет черного бархата без единого украшения. Ни орденов, ни фамильных рубинов. Только тяжелая золотая цепь канцлера поблескивала на груди.

— Анабель, — произнес он ровно, когда дочь преодолела ступени.

Он не раскрыл объятий. Не улыбнулся. Его глаза, такие же холодные и светлые, как у нее самой, скользнули по ее фигуре, оценивающе задержались на глубоком декольте и кружевах ручной работы, после чего вернулись к лицу. — Ты выросла. Мадам Дюбуа пишет, что ты лучшая выпускница выпуска. И самая дорогая. Казна графства пуста наполовину благодаря твоему образованию.

Анастасия почувствовала, как краска стыда заливает щею. За всю дорогу от столицы она репетировала эту встре-

чу: как бросится ему на грудь, как расскажет о своих успехах в геральдике и политической экономии, как попросит разрешения посещать библиотеку отца. Сейчас все слова застряли в горле.

— Я рада вернуться домой, отец, — тихо сказала она. — У тебя больше нет другого дома, — отрезал Леонардо. — Твоя комната ждет. Переоденься. Через час мы принимаем гостей. Сегодня день святого Клавдия. Традиция требует звать васалов на пир. Мы нарушим традицию. Мы дадим бал.

Он развернулся и пошел внутрь, даже не дожидаясь, последует ли она за ним. Слуги, замершие вдоль стен холла, провожали Анастасию взглядами, полными плохо скрытого любопытства. Она чувствовала себя экзотической птицей, редким зверем, которого привезли из-за моря для забавы хозяина.

Ее покои располагались в южной башне. Три комнаты, обитые темным дубом, огромная кровать под балдахином и вид на мертвый осенний лес. Половина вещей была накрыта белыми простынями, словно в доме покойника. Горничная, совсем юная девушка с испуганными глазами, принялась расшнуровывать корсет дорожной амазонки.

— Как твое имя? — спросила Анастасия, чтобы разрушить давящую тишину. — Марта, госпожа, — пискнула та, боясь поднять взгляд. — Давно служишь в замке? — Третий год, госпожа. Меня взяли... после того, как старая экономка ушла на покой.

После того, как умерла мать, перевела про себя Анастасия. Графиня Лили фон Дормонт скончалась от грудной лихорадки, когда дочери было семь. Так говорил отец. Болезнь пришла внезапно, сожгла цветущую женщину за три дня, и похоронили ее в семейном склепе под северной стеной часовни. Мать осталась в памяти Анастасии лишь размытым пятном дорогих духов, шелеста шелка и прохладной ладони на лбу во время жара. Никаких портретов в галерее, никаких личных вещей. Словно графиню стерли ластиком из истории рода.

Марта помогла надеть платье из тяжелого изумрудного атласа. Глубокий вырез обнажал ключицы, которые Анастасия считала слишком острыми. Рукава буфами спускались до самых кончиков пальцев. Когда горничная закрепила последнюю шпильку в высокой прическе, инкрустированной речным жемчугом, в дверь коротко стукнули.

— Спускайся, — бросил Леонардо, даже не заглянув внутрь. — Гости уже прибывают.

Большой бальный зал Дормонта всегда славился акустикой. Сейчас он тонул в сизом дыму сотен свечей и запахе растопленного воска. Собралось человек сто: бароны северных уделов, их бледные жены в устаревших нарядах, капитаны наемнических рот в потертых кожаных колетах поверх рубашек. Никакой легкости столичных приемов. Здесь собрались волки, облеченные властью над каменистыми долинами и свинцовыми рудниками севера.

Отец стоял у высокого камина, принимая поклоны. Анастасия встала чуть позади и левее, согласно этикету незамужней наследницы. Ей казалось, что каждый шорох ее юбок звучит набатом.

К ней никто не подходил. Местная знать смотрела сквозь нее или разглядывала с бесцеремонностью мясников, оценивающих тушу. Старый барон Ротвальд, чье лицо напоминало сушеное яблоко, прошел мимо и едва заметно кивнул, задев ее взглядом. Его сын, Эдмунд, известный своим пристрастием к дешевому вину и жестоким забавам, открыто усмехнулся, проходя рядом со своей потасканной компанией.

— Говорят, птичка научилась петь в клетке мадам Дюбуа арии на трех языках, — громко, рассчитывая быть услышанным, сказал кто-то за спиной Анастасии. — Посмотрим, умеет ли она танцевать, когда прутья клетки уберут.

Щеки вспыхнули. Анастасия сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони. Она знала этот тип насмешек. Провинциальная спесь, помноженная на скуку. Они ждали, что столичная штучка собьется с шага, покраснеет до слез или выдаст какую-нибудь глупость.

Заиграли музыканты — квинтет стариков, согнутых ревматизмом. Звуки скрипок были визгливыми и резкими. Первый танец полагалось открывать хозяину бала с главной гостьей. Леонардо отделился от толпы у камина и направился к дочери. Толпа расступилась перед ним, как вода перед носом корабля.

— Позвольте пригласить вас, леди Анабель, — проговорил он официальным тоном, протягивая руку.

Его ладонь была сухой и жесткой, как древесная кора. Он положил свою правую руку ей на талию, сжимая пальцы с такой силой, что наверняка останутся синяки.

Они закружились в медленном контрдансе. Леонардо вел безупречно, но механически, словно управлял не живым телом дочери, а манекеном. — Держи спину, — процедил он сквозь зубы, не разжимая губ, пока другие пары проходили мимо. — Ты графиня Дормонт. Если уронишь бокал с вином, я заставлю тебя слизывать его с паркета языком. Если посмеешь закатить истерику, как твои кузины из Аквитании, завтра же отправишься в монастырь Святой Агаты чистить нужники. Ты меня поняла?

— Да, отец, — выдохнула Анастасия, стараясь попадать в такт музыке. — Хорошо. Улыбайся.

Граф растянул губы в жутком, неживом подобии улыбки. Анастасия повторила движение зеркально. В этот момент она ненавидела его лютой, чистой ненавистью, какой может ненавидеть только ребенок, преданный единственным родным человеком. Все рассказы учителей о сыновьем почтении и дочерней любви показались ей сейчас наивными сказками для крестьянских детей.

Танец закончился. Леонардо, не говоря ни слова, передал ее молодому барону Хагену, прыщавому юноше с вечно влажными руками, а сам растворился в толпе. Хаген насту-

пил ей на ногу на втором шаге, извинился, наступил снова и начал сбивчиво пересказывать цены на овечью шерсть в этом сезоне. Анастасия кивала, мечтая провалиться сквозь землю.

Она выпила два бокала ледяного белого вина подряд, просто чтобы чем-то занять дрожащие руки. Хмель не брал ее, лишь добавлял окружающему миру злой, отчетливой резкости. Она заметила, как отец трижды удалялся через малую гостиную в сторону своего кабинета, куда слугам вход был заказан. Каждый раз он возвращался с лицом еще более серым, чем прежде. Один раз он обменялся коротким, тяжелым взглядом с капитаном своей гвардии, одноглазым ветераном по имени Гаррет. Тот мрачно качнул головой.

Ночь тянулась бесконечно. Запахи пота, несвежего дыхания, кислого вина и дешевых притираний становились невыносимыми. Анастасия искала спасения у высоких стрельчатых окон, выходящих на внешнюю стену. Холодный ветер бил в лицо, отрезвляя.

В дальнем конце зала, там, где тени сгущались особенно плотно, началась драка. Двое наемников сцепились из-за карточного долга. Звон стали, треск ломаемого стула и отборная ругань на мгновение перекрыли музыку. Капитан Гаррет и двое его людей ринулись туда, действуя быстро и жестоко. Драку пресекли в зародыше, выволочив скандалистов вон. Но атмосфера изменилась. Бал перестал быть светским мероприятием. Это была демонстрация силы. Волки

принюхивались друг к другу, ища слабинку.

Было далеко за полночь, когда музыка наконец стихла. Гости начали разъезжаться. Те, кому не хватило комнат в замке, пьяно грузились в телеги и фургоны прямо во дворе. Анастасия стояла у перил галереи второго этажа, глядя вниз на опустевший, заваленный мусором и затоптанными цветами зал. Ноги гудели, корсет сдавливал ребра так, что дышать получалось только мелкими глотками.

Слева, за массивной портьерой, скрывающей дверь в служебный коридор для прислуги, слышался тихий скрип. Там никогда не ходили благородные гости. Анастасия сделала вид, что поправляет выбившийся локон, и слегка повернула голову, прислушиваясь.

Сначала голоса были неразличимы. Затем пламя свечи в канделябре на стене дрогнуло от сквозняка, донесся обрывки фраз.

— ...три недели сроку, — говорил мужской голос, хриплый и привыкший отдавать приказы. Это был капитан Гаррет. — Люди герцога Торнского уже перешли границу у Черного перевала. Если старый граф не подпишет векселя до первого снега, они войдут в Долину сами. И церемониться не станут. — Бумаги готовы, — ответил второй голос, принадлежавший главному дворецкому, мистеру Кроуфорду. Старик служил отцу еще до рождения Анастасии. — Осталась одна подпись. Но милорд вторую ночь пьет в кабинете один. Гоняет всех прочь. — Дело не в вине, — зло прошипел Гар-

рет. — Дело в старой кладовой. Девчонка вернулась. Та, которую считали пеплом. — Тише ты, дурень! — шикнул дворецкий. — Стены тут имеют уши. Господин запретил произносить это имя вслух двадцать лет назад. Сказано всем: графиня Лили сгорела от лихорадки. И точка. Если девчонка начнет копать... — Пусть копает, — оборвал его капитан. — Может, хоть мозги на место встанут, если узнает правду. Изгнание с позором — это не горячка. Ее вышвырнули голой на тракт зимой, Кроуфорд. По приказу самого графа. Потому что она спуталась с магами Равновесия и пыталась отравить милорда настойкой из белладонны. А ребенка оставили только потому, что нужен был законный наследник мужского пола, а жена брата Леонардо рожала одних девиц. Как только родился бастард Филиппа, наш господин собирался отправить вслед за матерью и Анабель. Но Филипп погиб в пограничной стычке раньше, чем Леонардо успел подписать указ. Так что наша маленькая леди живет исключительно благодаря трусости собственного папаши и случайности войны.

Во рту у Анастасии пересохло. Мир пошатнулся. Она схватилась за холодный камень стены, чтобы не упасть. Магия. Белладонна. Вышвырнули голой на тракт. Каждое слово падало в сознание, как капля кислоты, прожигая дыру в десятилетиями выстраиваемой картине мира. Матери не было в склепе. Ее тело гнило где-то в безымянной могиле у большой дороги. А отец... отец не скорбел. Он избавлялся от угрозы.

— Тише, говорю, — снова зашипел дворецкий. — Мальчишка-конюх слышал, как она спрашивала экономку про старые счета. Она умная. Вся в бабушку пошла. Если сопоставит даты смерти матери и начало закупок редких ингредиентов аптекарем... Нам нужно успеть с векселями. Герцогу ждать не будет. Ему нужна эта долина, чтобы контролировать торговлю солью с востоком. А нашему господину нужны деньги герцога, чтобы платить жалованье гарнизону, который разбежится, как только увидит знамена Торнского. — Завтра подпишет, — уверенно сказал Гаррет. — Куда он денется. Выбор простой: либо долговая яма у ростовщиков, либо сапог оккупанта на шее. Сапог предпочтительнее. А девочку... пусть смотрит. Может, поймет, что такое настоящая власть. Власть — это когда ты хоронишь тех, кого любишь, ради выживания остальных. Пойдем. Скоро патруль сменится, заметят нас тут.

Шаги удалились вглубь коридора. Скрипнула, закрываясь, тяжелая дубовая дверь.

Анастасия стояла в темноте галереи, слушая, как кровь пульсирует в ушах. «Изгнана с позором». «Спуталась с мамами». «Отравить милорда».

Лихорадка. Благородная, чистая смерть от болезни. Ложь, которой ее кормили десять лет. Зачем? Чтобы скрыть материнский позор? Или чтобы скрыть преступление отца?

И самое страшное — разговор о векселях и герцоге Торнском. Замок стоит на краю гибели, казна пуста, гвардия го-

това разбежаться, а отец устраивает пышный бал, тратя последние деньги на еду и вино для этих жирных, презирующих его свиней-баронов. Он покупает иллюзию стабильности ценой будущего всего графства. И использует ее, Анастасию, возвращение как декорацию этой иллюзии.

Девушка медленно оторвала пальцы от стены. Ногти болели. Она посмотрела на свои руки — тонкие, ухоженные, покрытые кольцами, которые подарил ей отец перед отъездом в столицу. Кольцо с гербом Дормонтов жгло палец.

«Если девчонка начнет копать...»

Она начала копать в тот самый миг, когда открыла рот, чтобы спросить Марту про старую экономку. Случайность это была или невидимая нить судьбы привела ее именно к той портъере — уже неважно.

Анастасия отступила от края галереи, слившись с тенями. Она больше не была дорогой куклой, вернувшейся из пансиона. Страх никуда не делся — животный, парализующий ужас перед отцом, способным выбросить жену на зимнюю дорогу, сидел глубоко в костях. Но поверх него нарастала холодная, звенящая ярость.

Бал окончился. Игра только начиналась.

Она бесшумно спустилась по черной лестнице для слуг. Коридоры нижнего этажа были пусты, освещены лишь тусклыми ночниками. Под ногами хрустело просыпанное зерно. Пахло псиной и капустным супом.

Дверь в кабинет отца охраняли двое гвардейцев. При ви-

де молодой хозяйки они вытянулись, звякнув алебардами. — Господа, — голос Анастасии звучал ровно и низко, совершенно не похожий на недавний дрожащий лепет дебютантки. — Мне нужно поговорить с отцом. Срочно. Разбудите его. — Миледи, граф строго-настрого... — начал старший из них, краснолицый детина. — Герцог Торнский перешел границу, сержант, — перебила она, глядя ему прямо в глаза. Информацию, подслушанную минуту назад, она вложила в интонацию абсолютной уверенности. — Мой отец знает детали. Если вы сейчас же не откроете мне дверь, утром герцог лично спросит с вас за то, что вестнику отказали в доступе к командующему. Выбирайте.

Гвардеец побледнел. Имя герцога действовало на северян как заклинание ужаса. Он неуверенно посмотрел на напарника, пожал плечами и тяжело шагнул к двери.

— Только недолго, миледи. Он убьет меня, если узнает. — Если он выживет сегодня ночью, я награжу тебя, — пообещала Анастасия.

Сержант осторожно, двумя пальцами, тронул ручку двери, ведущей в логово льда и камня, которое называлось ее отцом. Щелкнул замок. Внутри пахло табаком, пылью старых бумаг и одиночеством. Анастасия перешагнула порог, готовая встретить любую бурю. Теперь она знала правила этой игры. И первым правилом было: никому нельзя верить на слово. Особенно родителям.

Глава 2. Портрет в заброшенной галерее

Кабинет графа Леонардо пропах застоявшимся табаком, старым пергаментом и холодом поражения. Сам хозяин сидел в глубоком кожаном кресле у незажженного камина, сжимая в пальцах пустой хрустальный бокал. При виде дочери он не вздрогнул. Лишь тяжелый вздох вырвался из его груди — звук человека, чей единственный час сна был прерван самым нежеланным гостем.

— Я велел тебя не беспокоить, Анабель, — произнес он, даже не повернув головы к огню, в котором давно уже тлели лишь серые угли. Его голос звучал глухо, словно шел из-под толщи воды.

— Сержант на лестнице очень испугался имени герцога Торнского, отец, — Анастасия закрыла за собой тяжелую дубовую дверь. Она осталась стоять посреди комнаты, прямая как струна, сложив руки перед собой. На ней все еще было изумрудное платье, подол которого потемнел от пыли служебных коридоров. — Настолько, что впустил меня сюда без доклада. Говорят, люди герцога перешли Черный перевал. Говорят, казна пуста настолько, что вы расплатились с капитаном гвардии векселями вместо серебра. И говорят, моя мать была отравительницей и любовницей магов.

Леонардо медленно опустил бокал на столик из черного дерева. Раздался сухой стук. Он наконец поднял глаза. В их светлой, ледяной глубине не было удивления. Только бесконечная, всепоглощающая усталость.

— У стен этого замка действительно слишком много ушей, — констатировал граф. — Гаррет всегда был излишне болтлив после второй бутылки. Тебе следовало остаться в постели, девочка. Сны о мертвых матерях редко бывают приятными. — Вы сказали мне, что она умерла от лихорадки! — голос Анастасии дрогнул впервые за вечер, выдав ту семилетнюю девочку, которая плакала в карете по дороге в пансион. — Вы похоронили пустой гроб! — Пустой гроб иногда надежнее любой государственной тайны, — отрезал Леонардо. Он встал. Ростом он превосходил дочь почти на голову, и сейчас, в полумраке кабинета, отбрасываемая им тень накрыла ее целиком. — Лили связалась с Кругом Равновесия. Это запрещенная ересь, караемая четвертованием на площади. Они обещали ей вернуть плодородие нашим землям, которые умирают третий век подряд. Взамен они требовали открыть порталы для своих... экспериментов. Когда я застал ее в подземелье за начертанием кровавых рун над колыбелью твоего младшего брата, выбор стоял между тем, чтобы сдать ее Святой Инквизиции, или убрать тихо. Инквизиция забрала бы и землю, и титулы. Я выбрал изгнание. Ей повезло, что стражники просто вышвырнули ее на тракт, а не продали в бордель Ржавого порта. Теперь ты знаешь правду. Довольно?

Он лгал. Анастасия поняла это мгновенно, кожей, всем своим существом. Правда об отравлении могла быть правдой — слова дворецкого о белладонне всплыли в памяти. Но история про «кровавые руны над колыбелью» звучала как дешевая страшилка для прислуги. Если бы мать практиковала запретную магию, дознаватели Ордена Зеркала были бы здесь через день. Граф Дормонт боялся чего-то другого. Боялся настолько, что предпочел выставить жену ведьмой, лишь бы никто не копнул глубже.

— Почему именно сейчас? — спросила она, игнорируя его вопрос. — Зачем этот бал сегодня? Собирать вассалов, когда враг стоит у ворот... — Традиция, — поморщился Леонардо. — Эти скоты-бароны уважают только две вещи: звон золота и демонстрацию силы. Золото кончилось. Пришлось показать зубы. Бал напомнил им, что замок Дормонт еще способен кормить три сотни ртов за одну ночь. Это отсрочит бунт до весны. Весной герцог Торонский увязнет в грязи на перевалах, мы соберем новый налог с крестьян, и баланс восстановится. Все просто. — Для вас все просто, — горько усмехнулась Анастасия. — Кроме истории моей матери. Что означают слова Кроуфорда про «бастарда Филиппа»? Лицо графа исказилось так, будто ему плеснули в лицо кислотой. Он шагнул вперед, замахнувшись тяжелой ладонью для удара. Анастасия не отступила. Она смотрела прямо на него, ожидая боли. Рука замерла в дюйме от ее щеки. Леонардо тяжело выдохнул сквозь стиснутые зубы. — Твой по-

койный дядя Филипп имел слабость к молочнице из деревни Гримхольд, — процедил он. — Родилась девочка. Чтобы спасти честь семьи и дать ребенку имя, я признал ее своей племянницей. Элоиза фон Дормонт. Сейчас она в монастыре Святого Бернарда. Молитва обходится дешевле приданого. Не смей больше произносить это имя.

Он обошел кресло и тяжело опустился обратно, отвернувшись к стене. Аудиенция была окончена. — Уйди, Анабель. И если в тебе есть хоть капля здравого смысла, который вбивали в тебя мадам Дюбуа вместе с ариями, забудь то, что слышала. Моя защита распространяется на тебя ровно до тех пор, пока ты остаешься невидимкой. Как только ты станешь проблемой, я отрекусь от тебя быстрее, чем от твоей матери.

Анастасия вышла из кабинета в состоянии странного, звенящего спокойствия. Отец подтвердил главное: страх. Он боится прошлого. А значит, прошлое — это оружие.

Она поднялась к себе. Марта спала в смежной каморке, свернувшись клубком под тонким одеялом. Анастасия переоделась сама, сбросив ненавистный атлас и корсет. Натянув плотные шерстяные чулки, сапоги для верховой езды и простое темно-синее дорожное платье, она почувствовала себя одетой в броню.

Если ложь отца имела корни, они должны тянуться туда, куда вход живым был заказан. В западное крыло.

Замок никогда не спит полностью. Ночью он живет другой жизнью: шуршанием крыс за панелями, сквозняками, гуля-

ющими в дымоходах, скрипом старых перекрытий. Анастасия двигалась бесшумно, используя путь, которым пользовалась днем прислуга — узкие винтовые лестницы для кухонных мальчишек и темные переходы за гобеленами.

Западное крыло пострадало от пожара сто лет назад во время восстания Красных Шаперонов. Огонь уничтожил половину библиотеки и жилые покои прабабки нынешнего графа. После этого крыло законсервировали. Массивная дубовая дверь в главный коридор крыла была заперта на огромный висячий замок, покрытый слоем ржавчины. Рядом, на стене, висела печать дома Дормонтов из красного воска — нетронутая.

Но слуги ленивы, а камень стар. Окно в конце южного коридора, выходящее на крышу старой оранжереи, оказалось приоткрытым. Стекло, изъеденное временем и дождями, рассыпалось в мелкую крошку под пальцами. Анастасия подтянулась на широком подоконнике и оказалась на пыльном чердаке, заваленном рухлядью.

Здесь пахло мышами, сушеными травами и нафталином. Под ногами хрустели обломки резной мебели. Сквозь щели в забитых досками окнах пробивался мертвенный лунный свет, полосами разрезающий темноту. Огромные деревянные фигуры святых, некогда украшавшие часовню, лежали лицом вниз, их нарисованные очи смотрели в гнилые доски пола. Старое рыцарское седло, сундуки со сгнившим тряпьем, клетки для охотничьих соколов...

Анастасия спустилась по внутренней лестнице на этаж ниже. Здесь располагалась Картинная галерея предков. Или то, что от нее осталось.

Влажность сделала свое дело. Большинство полотен покорибились, краска пошла пузырями, осыпаясь на паркет серой трухой. Предки смотрели со стен провалами холстов, обнажившими грубую мешковину подрамников. Лишь кое-где из тьмы проступали фрагменты лиц: суровый глаз прадеда, парчовый рукав прабабки, край золоченой рамы. Это было кладбище живописи.

Она шла медленно, проводя пальцами по пыльным багетам, читая медные таблички, почерневшие от времени. Вильгельм Завоеватель Севера. Агата Железнорукий. Конрад Безумный... История рода текла мимо грязной рекой.

В самом конце галереи, там, где окно было выбито совсем недавно и ветер свободно разгуливал по комнате, шевеля остатки тюлевых штор, стояла единственная целая картина. Она была скрыта тяжелым бархатным чехлом.

Пальцы Анастасии коснулись плотной ткани. Чехол был покрыт таким же толстым слоем пыли, как и все вокруг, но внизу, у самого пола, виднелись свежие царапины на паркете. Кто-то снимал и надевал эту ткань совсем недавно. Возможно, в ту самую ночь, когда вернулся отец, отправив дочь в пансион.

Девушка дернула чехол одним резким движением. Облако пыли взвилось в воздух, заставив ее закашляться.

На нее смотрела женщина невероятной, почти болезненной красоты. Художник запечатлел ее в полный рост на фоне грозового неба и черных скал. На ней было платье цвета молодой листвы, расшитое серебром, которое казалось настоящим металлом, а не краской. Женщина опиралась рукой на мраморный парапет, и ее пальцы — длинные, тонкие, аристократичные — едва касались камня.

Это было лицо ее матери. И одновременно — совершенно чужое. Мать из детских воспоминаний Анастасии была мягкой, теплой, пахнувшей молоком. Эта женщина на полотне источала опасность. Ее зеленые глаза, выписанные с пугающим реализмом, смотрели прямо в душу зрителя с насмешливым превосходством. Уголки идеально очерченных губ были приподняты в полуулыбке, полной тайного знания. Она знала нечто такое, что делало всех остальных людей лишь пылью у ее ног.

Анастасия подошла вплотную к полотну, не отрывая взгляда от этих глаз. Казалось, грудь женщины поднимается в дыхании. Иллюзия была столь сильной, что девушка протянула руку, чтобы коснуться холста и убедиться в его реальности. Ее пальцы наткнулись на стекло. Картины такого размера обычно не закрывают стеклом — оно искажает глубину мазков. Но здесь массивная рама из почерневшего от времени кипариса скрывала под собой идеально ровную поверхность.

Взгляд девушки скользнул выше, к навершию рамы. Резь-

ба была искусной, выполненной мастером эпохи Раннего Короля. Витиеватые листья аканта сплетались в сложный узор... пока Анастасия не присмотрелась внимательно. Узор повторялся трижды, образуя строгую геометрическую фигуру. Перевернутая роза. Лепестки бутона направлены вниз, к земле, а стебель хищно устремлен вверх, завершаясь острым шипом, направленным прямо в центр портрета, в ямочку между ключицами изображенной женщины.

Символ траура? Отречения? Или знак принадлежности к тому самому Кругу Равновесия, о котором говорил отец? Сердце пропустило удар.

За спиной раздался тихий кашель. Сухой, надсадный, похожий на треск ломающейся ветки.

Анастасия резко обернулась, прижимая руку к груди. Из тени выступа стены выдвинулся сгорбленный силуэт. Это был старик Ганс, хранитель ключей и старший смотритель замка. Человек, который служил еще деду Леонардо. В руках он держал латунную лампу, бросающую тусклый желтый круг света на истертый ковер. Его морщинистое лицо, напоминающее печеное яблоко, было бледным как полотно.

— Миледи, — просипел он, низко кланяясь, хотя его колени явно отказывались сгибаться до конца. Суставы громко хрустнули. — Вам нельзя здесь находиться. Западное крыло закрыто приказом милорда. Нарушение влечет плети. — Я знаю, кто это, Ганс, — спокойно сказала Анастасия, кивнув на портрет. Голос не дрожал. Страх остался там, в кабинете

отца, выжженный льдом его ярости. — Это графиня Лили. Моя мать.

Старик затрясся. Лампа в его руке задрожала, разбрызгивая жирные капли масла на паркет. Он сделал попытку упасть на колени, но вместо этого лишь тяжело оперся о стену, хватая ртом воздух. — Закройте... ради всего святого, госпожа, набросьте чехол! — прохрипел он. — Если господин увидит, что вы сняли покрывало... Он убьет нас обоих. Меня — за то, что не уследил. Вас — за то, что увидели. — Почему он прячет ее? — Анастасия не тронулась с места. — Если она предательница и ведьма, почему он не сжег портрет вместе с остальным крылом? Почему запечатал его под стеклом? — Потому что огонь очищает, — прошептал Ганс, глядя на перевернутую розу расширенными от ужаса глазами. — А стекло держит внутри. Господин приказал оставить все как есть. Сказал, что демоны Зеленого круга приходят за теми, кто смотрит в глаза проклятой дольше трех ударов сердца. Госпожа, умоляю, уйдемте. Этот зал... он дышит.

Словно в подтверждение его слов, порыв ветра из разбитого окна прошелся по галерее. Старые рамы на других стенах протяжно закрипели, словно петли дверей в преисподней. Одна из клеток для соколов с громким лязгом захлопнулась сама по себе. Анастасия невольно отступила на шаг, ближе к портрету. Теплое дыхание лампы Ганса вдруг показалось единственным островком жизни в этом царстве праха.

— Ты боишься картины, Ганс, — продолжила она, понижая голос до шепота. — Но твой страх выглядит иначе. Так бояться не призраков. Так бояться живых людей, которые могут вернуться. Где она, Ганс? Куда отец отправил ее на самом деле? — Тише! — зритель в панике зажал себе рот узловатой пятерней. Слезы катились по его глубоким морщинам. — Я старый человек, миледи. Мне недолго осталось отвечать перед Святым Судом. Я скажу. Но если эти стены услышат...

Он подошел к соседней стене, той, где зиял пустой провал вместо полотна. Ганс провел рукой по деревянной панели рядом с ним. Нажал на завиток резьбы. Панель отошла в сторону с едва уловимым щелчком, открывая узкую нишу, пахнущую сыростью и землей. Внутри лежал сверток промасленной кожи.

Дрожащими руками старик развернул его. Это была связка тяжелых бронзовых ключей, покрытых зеленой патиной, и пожелтевший конверт, запечатанный сургучом. Сургуч раскрошился от времени, но отпечаток печати сохранился: тот же символ перевернутой розы.

— Господин дал мне это десять лет назад, — Ганс протянул конверт Анастасии. Его рука ходила ходуном. — В ночь, когда... когда леди Лили уезжала. Он сказал: «Ганс, если девчонка вернется взрослой и начнет искать ответы, дай ей это. Не раньше». Я думал, он забыл. Думал, смерть заберет меня раньше, чем ваша милость ступит на камни Дормонта.

Сегодня утром ключник доложил, что замок на двери западного крыла пытались вскрыть отмычкой. Я понял, что началось.

Анастасия взяла конверт. Бумага была дорогой, плотной, с водяными знаками лучшей мануфактуры столицы. Печать сломалась с сухим треском. Внутри оказался один-единственный лист, исписанный изящным, летящим женским почерком. Чернила местами выцвели, но текст читался легко:

«Моя маленькая Ана, Если ты держишь это письмо, значит, чудовище совершило то, чем угрожал последние годы. Значит, я либо мертва, либо недостижима для этого мира. Не верь ничему, что скажет тебе отец. Он не любит тебя, дитя, он бережет свою собственность. Ты — залог его безопасности перед королем и долги перед людьми Филиппа. Я не умерла от лихорадки. Я бежала. Я должна была забрать тебя, но он поставил охрану у каждой детской. Я оставила тебе единственное, что у меня было — правду. Твои способности начали проявляться. То, как ты находишь спрятанные вещи, как понимаешь язык птиц в саду, как свечи вспыхивают ярче, когда ты злишься — это не дар Божий. Это кровь. Кровь моего рода, древнего рода Хранителей Равновесия. Мы не маги огня или крови. Мы те, кто следит, чтобы границы миров оставались закрыты. Отец узнал об этом. Он служит другому господину. Тому, чья власть питается разрывами в ткани бытия. Этих существ называют Древними. Отец открыл им проходы под северными рудниками в обмен на серебро,

которое добывают твои крестьяне. Серебро, которое убивает их легкие, но делает семью Дормонт богатой. Маги Равновесия пришли ко мне, чтобы остановить утечку. Я согласилась помочь. Леонардо поймал нас. Он обвинил меня в измене, чтобы скрыть собственную сделку с бездной. Беги, Ана. Прячь свой дар. Найди в столице магистра Элиара. Покажи ему символ розы. Он поймет. Люблю тебя. Прости меня за то, что оставляю одну. Твоя мать, Лили.»

У Анастасии потемнело в глазах. Буквы прыгали перед взглядом. Священная инквизиция, демоны, древние боги, сделки с бездной... Еще утром она была выпускницей престижного пансиона, мечтающей о балах и удачном браке. Сейчас мир сузился до размеров этой пыльной галереи, пропитанной запахом масляной лампы и старого безумия.

— Серебряные рудники, — прошептала она, поднимая взгляд на Ганса. — Вот откуда деньги. — Да, госпожа, — кивнул старик, мелко крестясь. — Каждый год караваны уходят на юг. Господин говорит королю, что это добыча. Но шахтеры спускаются вниз и не возвращаются. А серебро идет... Оно холодное. Живое. Я видел слитки в подвале. На них растут черные иглы, похожие на морозные узоры, хотя в подвале тепло. — Что случилось в ту ночь, когда она исчезла? — голос девушки стал жестким, приобретая металлические нотки, которых не было прежде. — Была буря, — Ганс поежился, плотнее запахивая ветхую ливрею. — Самая жуткая за десятилетие. Молнии били в шпиль северной башни,

хотя небо было чистым на западе. Гром гремел без перерыва. Господин лично отвез вашу матушку к Восточному лесу в своей карете. Вернулся один. Через два дня лесничий нашел на опушке ее плащ, разорванный в клочья, и лужу крови. Ни тела, ни следов борьбы. Будто ее унесли духи воздуха. Господин собрал всю стражу и сказал: «Графиня сбежала с любовником-мошенником, опозорив мой дом. Забудьте ее имя». А потом начались пожары в деревнях тех, кто задавал лишние вопросы.

Один из факелов на стене зашипел и погас, погрузив угол галереи в непроглядный мрак. Ганс вскрикнул и попятился, выставив перед собой лампу как щит. — Нам пора, миледи, — взмолился он. — Ночь сегодня недобрая. Луна вошла в фазу Охотника. Время открывать старые раны.

Анастасия посмотрела на портрет. Зеленые глаза матери теперь казались наполненными слезами. Девушка аккуратно свернула письмо и спрятала его за корсаж платья, туда, где холодный металл медальона пансионата (который она забыла снять) прижался к коже. Затем она взяла из рук Ганса связку бронзовых ключей. Пatina пачкала пальцы.

— Никто ничего не открывал, Ганс, — твердо сказала она, вешая тяжелую связку на пояс. — Ты никого не видел. Замок закрыт. Понял меня? Старик часто закивал, трясая тройным подбородком. — Да, госпожа. Старый Ганс плохо видит в темноте. Особенно когда выпьет свою ежевичную настойку от суставов. — Умный мальчик, — впервые за долгие годы

Анастасия позволила себе кривую, злую улыбку. — Оставь лампу здесь. И иди спать. И никому. Никому ни слова о том, что я брала ключи. Если спросит отец — скажи, что я рыдала у себя и отказалась выходить.

Когда шаркающие шаги старика стихли вдали, Анастасия снова осталась одна перед портретом. Она набросила бархатный чехол обратно, скрыв прекрасное, опасное лицо матери. Символ перевернутой розы продолжал мерещиться ей даже сквозь плотную ткань.

Сделка с бездной. Серебряные рудники. Магистр Элиар. Восточный лес. Место, где нашли разорванный плащ. Если матери нет в могиле, возможно, следы ведут туда. Но идти в лес ночью, где бродят волки и, если верить письму, существа похуже — самоубийство.

Нужно действовать тоньше. Нужно использовать инструменты, которым ее учили в пансионе. Наблюдательность. Логика. Сбор информации.

Анастасия вернулась в жилой корпус тем же путем, через чердак. Проходя мимо главной лестницы, она услышала тяжелые, нетрезвые шаги внизу. Капитан Гаррет обходил ночной пост.

Девушка замерла в тени колонны, слившись с драпировкой. Свет луны падал на лестницу, оставляя ее в темноте. Она видела блеск алебарды капитана, слышала его хриплое дыхание.

Когда Гаррет прошел мимо, насвистывая старую солдат-

скую песню, Анастасия заметила деталь, которую пропустила днем. На правом сапоге капитана, чуть выше колена, лопнул шов. Из прорехи торчал краешек бумаги, засунутый за голенище.

Она дождалась, пока шаги затихнут в восточном коридоре. Спустившись на несколько пролетов, стараясь не дышать, она выглянула поверх перил. Капитан остановился у двери в казармы, поговорил с дежурным и скрылся внутри.

Анастасия бесшумно сбежала вниз. Сердце колотилось где-то в горле. Возле двери казарм горел лишь один слабый фонарь. Солдат внутри храпел так, что дрожали стекла.

Она потратила меньше минуты. Тонкий кинжал для фруктов, который всегда носила в прическе на случай нападения грабителей (привычка, высмеиваемая подругами по пансиону), лег в ладонь привычным весом. Острие поддело бумагу. Сложенный вчетверо лист грубой серой бумаги выскользнул из-за голенища.

Развернуть его удалось только в своей спальне, плотно задернув шторы и заперев дверь на засов. При свете единственной свечи документ оказался ведомостью выдачи провианта. Обычный скучный перечень муки, солонины и эля. Ничего подозрительного, если не считать последней записи, сделанной другим, более свежим и торопливым почерком поверх основного текста:

«Груз для Восточной сторожки. 10 ящиков. Метки синие. Пароль: Зимородок принимает шторм. Ответ: Шторм слеп,

но слышит. Курьер прибыл в полночь. Передано лично в руки жрецу».

Жрец. В замке Дормонт не было ни одного священника, кроме пьяницы-каноника местной часовни, который путал причастие с утренним пивом. Десять ящиков. Синяя краска использовалась торговцами для маркировки особо хрупкого или дорогого груза. Или опасного.

Анастасия села на кровать. За окном выл ветер, швыряя в стекло сухие ветки дуба. Письмо матери жгло кожу сквозь шелк платья. Бронзовые ключи оттягивали пояс.

Она открыла секретер и достала чистый лист гербовой бумаги, чернильницу и перо. Обмакнув кончик, она задумалась лишь на мгновение, прежде чем вывести первые строки каллиграфическим почерком, которому ее обучали лучшие мастера королевства:

«Магистру Элиару, Столичная Академия, Башня Синей Цапли. В собственные руки. Касательно предмета договора №417-д Север...»

Она писала быстро, заполняя страницу убористым текстом. Она запрашивала информацию о закрытых рудниках, о движении капитала Дома Дормонт за последние пятнадцать лет и осторожно намекала на интерес к древним символам школы Хранителей. Она подписалась чужим именем — виконтесса де Моро, дальняя родственница по линии Аквитании, интересующаяся антиквариатом. Запечатала конверт сургучом своего медальона пансиона.

Затем она встала. Накинула теплый шерстяной плащ с капюшоном. Сунула за голенище сапога свой кинжал.

Свет свечи отразился в лезвии. Анастасия посмотрела на свое отражение. Лицо было бледным, губы сжаты в тонкую линию. Девочка, мечтавшая о танцах, умерла сегодня вечером в заброшенной галерее. Вместо нее родилась фигура, готовая вскрывать чужие сапоги и писать ложные письма магистратам.

Она спрятала украденную ведомость капитана под матрас. Ключи Ганса надежно позвякивали на поясе.

Завтра начнется официальная часть расследования. Она пойдет к отцу и попросит разрешения осмотреть библиотеку для написания работы по истории северных уделов. А пока ночь принадлежит теням.

Анастасия подошла к двери, ведущей в коридор. Прежде чем открыть ее, она обернулась на зашторенную кровать. Впервые за десять лет она спала не в чужой постели под надзором монахинь, а в логове врага. И впервые за десять лет она чувствовала себя в полной безопасности. Страх ушел, оставив после себя лишь ясную, холодную цель.

Она растворилась в темноте коридора, направляясь к черной лестнице. До полуночи оставался час. Час до прибытия курьера с синей меткой к Восточной стороже.

Глава 3. Первый свидетель — Барон фон Кранц

Рассвет в Дормонте не приносил света. Он лишь менял оттенок серого: с мертвенно-черного на пепельный, густой и влажный. Анастасия проснулась от того, что Марта трясла ее за плечо.

— Миледи, господин граф велел передать... Охота начинается через час. Вы должны быть готовы.

Анастасия села в кровати. Сон после ночной вылазки был тяжелым, полным обрывков кошмаров: перевернутые розы росли прямо из глаз матери, а капитан Гаррет смеялся беззубым ртом, пересчитывая ящики с синими метками. Письмо магистру Элиару было уже запечатано и спрятано под половицей у камина вместе с украденной ведомостью. Бронзовые ключи Ганса оттягивали карман плаща, который девушка предусмотрительно бросила на спинку стула.

— Передай отцу, что я буду готова, — ровно ответила Анастасия, хотя внутри все сжалось от перспективы провести утро в седле рядом с человеком, который накануне обещал заставить ее слизывать вино с паркета.

Охота была таким же инструментом власти, как бал или публичная казнь. Леонардо использовал ее для переговоров с вассалами там, где стены имели уши, а звон кубков заглу-

шал опасные слова. Отказаться означало проявить слабость или бунт.

Через сорок минут она спустилась во двор. Холод пробирал сквозь тонкую шерсть амазонки. Конюх подвел ей кобылу по кличке Искорка — нервное, изящное животное рыжей масти, подарок мадам Дюбуа на окончание пансиона. Лошадь всхрапывала, кося темным глазом на вооруженных до зубов егерей и свору гончих, рвущихся с поводков.

Леонардо уже сидел в седле огромного вороного жеребца. На нем был потертый кожаный колет без золотых позументов — в лесу граф становился просто старшим охотником, а не владетельным лордом. Рядом с ним гарцевала Элоиза.

Девушка, которую отец назвал «бастардом Филиппа», оказалась поразительно похожа на саму Анастасию. Тот же овал лица, те же высокие скулы. Но если красота Анастасии была холодной, выкованной из северного гранита и столичного льда, то красота Элоизы дышала дикой, первобытной силой. Она сидела в мужском седле, расставив ноги, одетая в простую замшевую куртку зеленого цвета. Ее волосы были заплетены в тугую косу, но несколько медных прядей выбились и мокли под мелким дождем. В отличие от испуганных глаз прислуги, взгляд Элоизы был прямым, оценивающим и совершенно лишенным подобострастия. Когда их глаза встретились, уголки губ девушки дрогнули в едва заметной усмешке.

— Сестрица проспала рассвет? — голос Элоизы оказался

низким, с легкой хрипотцой курильщицы. — Доброе утро, Анабель. Или мне называть тебя леди фон Дормонт?

Она намеренно выделила слово «леди», подчеркивая пропасть между признанной наследницей и монастырской воспитанницей. — Называй меня как хочешь, — спокойно отозвалась Анастасия, принимая поводья из рук конюха. — Главное, чтобы лошади понимали команды одинаково хорошо. Элоиза громко рассмеялась. Смех разнесся по сонному двору, заставив нескольких баронов нахмуриться. Это был смех человека, которому нечего терять.

Кавалькада тронулась. Копыта глухо застучали по опущенному мосту, разбрызгивая грязь. Свора почуяла свободу и завывла дурными голосами, чуя запах леса. Охота направлялась в сторону Черного бора — старых угодий, граничащих с Восточным лесом, куда десять лет назад ушла мать.

Барон Фридрих фон Кранц нашел ее сам, когда они углубились в чащу на полмили. Его отряд присоединился к процессии графа со стороны боковой тропы. Фон Кранц был ровесником Леонардо, но время обошлось с ним жестоко. Огромный живот нависал над подпругой седла, лицо побагровело от вечного пьянства и купероза, а маленькие поросычки глазки смотрели на мир с пьяной подозрительностью. Однако его руки, державшие поводья, оставались сильными и жилистыми — руками воина, пусть и давно забывшего тяжесть меча ради тяжести кружки.

— Граф! — проревел он, пытаясь натянуть поводья так,

чтобы его каурая лошадь поравнялась с вороним Леонардо. Животные занервничали. — Какая честь видеть твои земли еще не захваченными этим выскочкой Торнским! — Рад твоему здоровью, Фридрих, — сухо ответил Леонардо. — Надеюсь, твой приезд означает пополнение моей казны, а не очередную просьбу о займе. — Обижаешь, старый волк! — фон Кранц гулко ударил себя кулаком в грудь. Из расстегнутого ворота пахло перегаром и чесноком. — Я привез тебе долг. Десять мер соли. Лучшей, зимней выпарки. Продам в столице втридорога, но другу уступлю по себестоимости. Чисто из уважения к твоей дочери. Посмотри, какой цветок вырос в этой глуши! Ана, детка, ты помнишь старого дядюшку Фрица?

Анастасия вежливо наклонила голову. Она видела этого человека дважды в раннем детстве, и оба раза он пытался усадить ее на колени, дыша винными парами. Сейчас же его маслянистый, раздевающий взгляд скользил по ее фигуре с такой откровенностью, что хотелось пустить Искорку в галоп и скрыться в чаще.

— Помню ваши щедрые подарки, барон, — сказала она. — Фарфоровую куклу с отбитым носом. Фон Кранц захотел так, что затряслись ветки ближайших елей. — Точно! Узнаю породу! Зубки показываете, леди. Весь в матушку.

Повисла тяжелая пауза. Даже собаки притихли, уловив напряжение. Элоиза, ехавшая чуть позади, напряглась, словно тетива лука. Леонардо медленно повернул голову. Его взгляд

мог заморозить кипящую воду. — Следи за языком, Фридрих, — процедил граф. — Мы говорили о соли. — Да-да, соль! — поспешно закивал барон, стирая с губ слюну. — Так вот, о цене. Поскольку денег у тебя нет, милорд, предлагаю бартер. Ты отдаешь мне рудники Серых Холмов на пять лет. Срок аренды. Мои люди будут копать, платить налог королю, а разницу мы делим пополам. Тебе хватит расплатиться с векселями ростовщиков, которые жужжат вокруг замка, как мухи над падалью.

Это был открытый грабеж. Рудники Серых Холмов давали треть всего серебра севера. Отдать их на пять лет означало признать свое полное банкротство перед короной. — Убирайся с моих земель, Кранц, — тихо сказал Леонардо. — Пока мои егеря не приняли кабана за двуногую свинью. — Злой стал, совсем злой, — покачал головой барон, ничуть не обидевшись. Он приложился к фляге, висевшей на поясе. — Раньше бы поспорили, саблями побряцали... Ладно. Не хочешь серебром — поговорим о призраках. Говорят, твоя западная галерея снова оживает. Старый Ганс всю ночь бродил по ней с лампой. Ностальгия замучила старика?

Анастасия почувствовала, как ледяные иголки впиваются в затылок. Значит, Ганс все-таки попался. Или следят не за галереей, а за самим зрителем. — Галерея закрыта из-за ветхости перекрытий, — отрезал Леонардо. — Егеря! Вперед! Поднять зверя!

Он пришпорил коня, оставляя фон Кранца позади. Эло-

иза бросила на Анастасию быстрый, предупреждающий взгляд и последовала за отцом. Анастасия сделала вид, что поправляет перчатку, задерживаясь.

— Ветхость, значит, — фон Кранц догнал ее, пристраивая свою огромную кобылу бок о бок с Искоркой. Девушке пришлось сдерживать животное, чтобы оно не взбрыкнуло. — Только перекрытия там крепче, чем моя печень. Я помню тот день, Лео увозил Лили. Буря была такая, что деревья с корнем выворачивало. А потом тишина. Знаешь, почему тишина, девочка?

Анастасия посмотрела на него. Лицо барона вблизи выглядело еще более нездоровым. Капилляры на носу полопались, превратив его в перезревшую сливу. — Потому что природа скорбела? — предположила она, стараясь, чтобы голос звучал скучающе. — Скорбел король, — хмыкнул Кранц, обдав ее новой волной перегара. — Твоя мать, Ана... Она была штучным товаром. Не просто красивая дура с зелеными глазами. Она была последней из рода де Вернь. По прямой линии. От тех самых Хранителей Равновесия, которых сожгли сто лет назад.

Слово «последней» эхом отдалось в голове Анастасии. Письмо матери лежало за пазухой, горячее, как уголь. — Хранители — это сказка для пугала детей, барон, — возразила она. — Чтобы овцы не ходили в лес. — Сказка ходит по земле, когда рождается подходящий сосуд, — философски заметил фон Кранц, икнув. — Лили могла слышать ме-

талл. Буквально. Если в десяти милях от нее кто-то плавил серебро, у нее начинала болеть голова. А уж кровь... Кровь она читала как открытую книгу. Королевский двор боялся ее до судорог. Королева-мать запретила пускать Лили в сокровищницу после того, как та упала в обморок возле Короны Предков. Сказала, что железо кричит, потому что оно проклято кровью младенцев.

Он снова приложился к фляге, его кадык судорожно дернулся. — Ваш брак с Лео был политическим, — продолжал барон, понижая голос до заговорщицкого шепота. — Ему нужна была связь с древним родом для легитимации захвата северных рудников. А Лили... ей нужен был щит. За ней охотились. Не только инквизиция. Были другие. Те, кого ваш дед называл Теневым Синдикатом. Торговцы информацией, наемные убийцы-маги. Они хотели заполучить дар де Верней. Способность видеть суть вещей. Истинное зрение. — Зачем? — спросила Анастасия, чувствуя, как пересыхает горло. — Что такого ценного в том, чтобы знать, чистое золото или нет? — Дело не в золоте, — фон Кранц придвинулся еще ближе, почти сталкиваясь коленями с девушкой. — Дело в печатях. Древние печати, наложенные на провалы в земле первыми королями. Печати держат внизу нечто такое, от чего этот континент сгнил бы за неделю. Лили была ключом. Живым ключом к узлам силы. А твой отец... твой благородный папаша всегда хотел стать больше, чем просто графом. Он искал способ распечатать один из узлов под на-

шими ногами. Богатство, которое дает Бездна, не измеряется мешками серебра. Оно дает власть над временем. Над смертью.

Внезапно барон осекся. Его маленькие глазки расширились, уставившись поверх плеча Анастасии. Запах вина сменился резким запахом животного страха и едкого пота. — Лео... — прохрипел он, мгновенно трезвея. — Какого черта...

Анастасия обернулась. Граф Леонардо стоял посреди тропы в двадцати шагах от них. Его вороной конь замер статуей. Лицо отца было абсолютно белым, даже губы потеряли цвет. Охота, собаки, остальные гости — все осталось где-то впереди, скрытое поворотом и зарослями можжевельника. Отец вернулся. Услышал. Или знал, что рано или поздно болтливый пьяница выдаст тайну.

— Фридрих, — голос Леонардо прозвучал негромко, но каждое слово разрезало воздух, как стекло. — Кажется, твоя память стала слишком избирательной. Мы обсуждали соль. И рудники. — Лео, я... я просто утешал девочку! — залепетал фон Кранц, пытаясь развернуть свою неповоротливую лошадь. Та переступала с ноги на ногу, отказываясь подчиняться дрожащим рукам хозяина. — Старая дружба, воспоминания... Никому не нужны эти старые кости... — Нужны, — кивнул Леонардо. — Особенно тем, кому ты вчера проиграл в карты последние деньги и теперь пытаешься шантажировать меня байками о моей покойной жене, чтобы полу-

чить отсрочку долга.

Отец сделал едва уловимое движение кистью. Звук щелчка взводимого арбалета невозможно было спутать ни с чем другим. Стальной наконечник короткого болта тускло блеснул из-под полы его охотничьего колета, направленный точно в живот барону.

— Ты забыл главное правило охоты, Фридрих, — продолжил граф, глядя мимо собеседника прямо в глаза дочери. — Никогда не поворачивайся спиной к вожаку стаи. И никогда не мочись на границе чужих владений, если не готов защищать эту границу зубами. — Я молчу! Клянусь всеми святыми, я никому... — Ты уже наговорил на три дыбы, старый дурак, — оборвал его Леонардо. — Магистрат столицы платит золотом за слухи о живых чародейках. А Орден Зеркала платит вдвойне за информацию о роде де Вернь. Ты поставил мою голову на кон ради своих долгов. Это плохая сделка, Фридрих. Очень невыгодная.

Анастасия сидела в седле, окаменев. Арбалетный болт в животе — смерть мучительная и грязная. Никто не найдет тело в Черном бору до весны, а весной дикие кабаны уничтожат улики. Все будет выглядеть как несчастный случай на охоте. Разъяренный секач. Обычное дело.

— Лео, умоляю... Моя жена, дети... — слезы покатались по багровым щекам барона. — Именно поэтому ты будешь жить, — неожиданно смягчился тон графа. Страх творил с Леонардо чудеса: он превращал холодного тирана в расчет-

ливого демона. — Но урок должен быть усвоен. Слезай.

Фон Кранц мешком свалился с седла прямо в жидкую грязь дороги. Колени его подогнулись. — На колени, — приказал Леонардо. Барон рухнул лицом в прелую листву и гнилые грибы.

Леонардо спешил. Делал он это тяжело, по-стариковски кряхтя, но движения его рук были быстрыми и точными. Он подошел к поверженному вассалу, достал из-за голенища широкий охотничий нож и, схватив барона за длинные саленные волосы, запрокинул ему голову назад. — Ты любишь пить, Фридрих? — спросил он почти ласково. — Любишь вкус красного? Не дожидаясь ответа, граф полоснул ножом по толстой шее барона. Порез был неглубоким, царапиной, но кровь тут же хлынула обильно, стекая по двойному подбородку на дорогой бархат дублета.

— Ты попробуешь его сейчас, — прошипел Леонардо, наклоняясь. — Пей. Вся ту ложь, которой ты поил мою дочь. Пей свой страх. Может, тогда поймешь, что жизнь стоит дороже, чем ставка за карточным столом.

Фон Кранц давился, кашлял, захлебывался собственной кровью, пачкая бороду и губы. Он пытался отвернуться, но железная рука отца держала его мертво. Это было не убийство, но нечто гораздо худшее — методичное, садистское унижение, призванное сломить волю навсегда.

Анастасия смотрела на это, вцепившись в луку седла побелевшими пальцами. Ее мутило. Но вместе с тошнотой при-

ходило страшное, циничное понимание. Отец не защищал семейную честь. Он устранил свидетеля. Фон Кранц упомянул Теновой Синдикат и истинное зрение. То, о чем писала мать. Леонардо боится не Инквизиции — церковники глупы и предсказуемы. Он боится профессионалов, которые знают реальную стоимость дара де Верней.

Наконец граф отпустил волосы барона. Тот упал лицом вниз, содрогаясь в рвотных спазмах, перемежающихся с рыданиями. Вся поляна пропиталась запахом железа и лесной прели.

Леонардо вытер нож о край плаща фон Кранца и убрал обратно в сапог. Затем он подошел к своей лошади, достал из седельной сумки маленький кожаный кошелек и бросил его к ногам валяющегося в грязи вассала. Монеты звякнули. — Здесь тысяча импералов, — сказал граф. — Ровно столько, сколько ты мне должен. Долг уплачен. Теперь мы квиты. Забудь дорогу в Дормонт. Если я увижу твою рожу в моем герцогстве до истечения года, следующий порез будет сделан от уха до уха. Понял? Фон Кранц смог лишь слабо кивнуть, размазывая кровавые сопли по лицу.

Только теперь Леонардо посмотрел на дочь. Он подошел к Искорке. Лошадь захрапела и попыталась отступить, чуя запах крови, но Анастасия удержала ее твердой рукой. — Интересная вышла утренняя прогулка, — произнес Леонардо, снимая с правой руки лайковую перчатку. Он взял морду Искорки двумя пальцами, успокаивая животное. — Барон фон

Кранц — жалкий, опустившийся человек. Алкоголь развязывает языки быстрее, чем каленое железо. Но он полезен своим знанием торговых путей. Поэтому он жив. Запомни это, Анабель. Полезность определяет право на дыхание. — Я запомню, отец, — голос Анастасии прозвучал ровно. Внутри нее все превратилось в холодный мрамор. Она больше не была той девочкой, которая плакала от несправедливости. Она училась. — Славно. — Уголок рта Леонардо дернулся вверх в жутком подобии улыбки. — А теперь слезай. Сегодня загоняют матерого секача. Мне нужно, чтобы ты стояла на номере у Кривого дуба. Там открытая местность. Если зверь пойдет на прорыв, твоя задача — не визжать и не портить выстрел егерям. Просто стой. Демонстрация храбрости полезна для репутации среди этих скотов-баронов. Они любят, когда аристократия разделяет риски.

Он протянул руку. Анастасия проигнорировала ее. Она сама соскользнула с седла, придерживая юбки амазонки. Ноги коснулись земли, утопая в грязи, смешанной с кровью барона.

— Кстати, — небрежно бросил Леонардо, уже разворачиваясь, чтобы сесть в седло. — Я распорядился сменить замки в западной галерее. Старик Ганс начал путать дни недели. Пришлось отправить его отдохнуть в деревню. Новые ключи будут только у капитана Гаррета. Было бы крайне неприятно узнать, что моя дочь интересуется пыльными тряпками вместо соколиной охоты. Соколиная охота воспитывает остроту

зрения. Тебе это пригодится, когда начнешь высматривать выгодных женихов.

Он дал шпоры коню и поскакал прочь, оставив Анастасию одну на поляне.

Барон фон Кранц остался лежать в грязи. Его крупное тело сотрясилось от беззвучных рыданий. Возле его головы валялся брошенный кошелек с золотом. Собаки, предчувствуя дальнейшее движение, начали нетерпеливо скулить вдалеке, разрывая тишину леса.

Анастасия медленно подошла к своему месту у дерева. Руки слегка дрожали, но не от страха. От ярости. «Истинное зрение». «Живой ключ». «Теневой Синдикат».

Отец думал, что напугал ее демонстрацией силы над бароном. На самом деле он показал ей самое слабое место своего правления. Леонардо держится не на праве крови и не на любви народа. Он держится на шантаже, угрозах и своевременном избавлении от мусора. Фон Кранц выжил только потому, что знает торговые пути. Значит, самого графа кто-то держит точно так же. Кто-то, кому выгодны открытые рудники и закрытые печати.

Она заняла позицию у Кривого дуба — старой, расщепленной молнией сосны. Место открывало отличный обзор на широкую прогалину. Егеря рассыпались цепью дальше в чащу, создавая шум. Охота началась.

Анастасия сняла правую перчатку. Холодный ветер тут же лизнул пальцы. Она закрыла глаза, опираясь спиной о шер-

шавую кору. Вспомнила слова матери: *как свечи вспыхивают ярче, когда ты злишься.*

Она сосредоточилась на своем дыхании. Сердце, бешено колотившееся при виде крови фон Кранца, начало замедляться. Она представила себе бронзовый ключ Ганса. Холодный, тяжелый металл. Символ перевернутой розы.

Земля под ногами. Камень фундамента замка. Глубже. Скальная порода. Еще глубже. Ей показалось, что она слышит низкий, утробный гул.словно гигантская струна вибрировала глубоко под землей, уходя к самому ядру мира. Этот звук причинял физическую боль зубам. Проклятое железо. Кричащая кровь.

Гул нарастал. Анастасия плотнее прижалась к дереву, чувствуя, как по спине течет липкий пот, несмотря на мороз. Дар де Верней просыпался, реагируя на близость древнего зла, о котором говорил барон. Лес перестал быть просто скоплением деревьев. Он превратился в сеть пульсирующих вен, наполненных черной, вязкой субстанцией.

— Ана! — резкий окрик вырвал ее из транса.

Элоиза. Девушка стояла в тридцати шагах левее, у зарослей орешника. Она нарушила строй, сойдя со своего номера. В руках у нее был взведенный легкий арбалет — оружие скорее для самообороны, чем для охоты на кабана. Одной рукой она делала отчаянные знаки, приказывая уходить с открытого места.

Из чащи, куда ушли загонщики, раздался треск ломае-

мого сухостоя. Низкий, мощный, переходящий в яростный рев. Земля ощутимо дрогнула. Матерый секач шел на прорыв. Судя по звуку, весил он не меньше пяти сотен фунтов. Его клыки могли вспороть брюхо лошади одним движением. Егеря открыли беспорядочную стрельбу из луков, пытаясь завернуть зверя, но вопли боли людей подсказывали, что кабан идет напролом, собирая кровавую жатву.

Огромная черно-бурая туша вылетела на прогалину. Маленькие красные глазки горели безумием. Пена клочьями летела с желтых клыков. Кабан несясь прямо на Кривой дуб. Прямо на Анастасию.

Время растянулось. Она видела каждую каплю слюны, каждый волос жесткой щетины, занесенную для удара переднюю ногу. Егеря безнадежно отстали. Леонардо находился справа, вне сектора стрельбы, рискуя попасть в дочь.

Инстинкт, древний, как сам лес, требовал бежать. Но ноги примерзли к земле.

И тогда Анастасия сделала единственное, что пришло в голову человеку, чей мир рухнул сутки назад, а на смену ему пришла абсолютная пустота. Она шагнула вперед, выходя из-за защиты ствола дуба. Сделала это открыто, плавно, раскинув руки в стороны, ладонями вверх. словно приветствовала старого друга.

Кабан не остановился. Масса разогнанной ярости не умеет останавливаться. Расстояние сокращалось: тридцать шагов... двадцать...

Анастасия заглянула в его глаза. За красной пеленой безумия она увидела другое. Черную, пульсирующую опухоль размером с кулак, засевшую глубоко в черепе зверя. Болезнь. Паразит. Или печать. Тот самый узел силы, о котором шептал фон Кранц. Кто-то намеренно сводил с ума лесных хозяев, используя их как таран.

Она не знала, как управлять даром. У нее не было времени учиться. Был только слепой ужас и колоссальное внутреннее «Нет». — Стой, — выдохнула она.

Это не было приказом. Это была чистая воля, воплощенная в звуке. Она вложила в это слово весь свой отказ принимать правила игры, навязанные отцом. Отказ бояться. Отказ умирать в грязи ради чужой тайны.

Воздух вокруг нее на мгновение уплотнился, став вязким, как вода. Свечи не зажглись — здесь не было свечей. Но капли дождя, висевшие в воздухе, вдруг замерли, образовав идеальную хрустальную сферу вокруг фигуры девушки.

Кабан врезался в эту невидимую стену. Раздался звук, похожий на удар исполинского гонга. Хруст костей. Визг, полный невыносимой муки, сорвал листья с ветвей дуба. Животное подбросило в воздух. Туша весом в полтонны перелетела через Анастасию, приземлившись далеко позади, на краю обрыва, ведущего в овраг. Секач рухнул бесформенной грудой, перебитый внутренностями. Из пасти хлынула черная пузырящаяся кровь.

Тишина обрушилась на лес внезапно, оглушающая после

рева и криков. Замерли даже собаки.

Анастасия стояла на ногах лишь чудом. В ушах звенело. Во рту стоял привкус меди. Мир качался. Невидимая сфера исчезла, и холодный дождь беспрепятственно полился за шиворот.

Первым пришел в себя Леонардо. Он вылетел на прогалину, осадив храпящего коня в двух шагах от дочери. Лицо графа было белым, как полотно погребального савана. В руке он сжимал тяжелый кавалерийский пистолет, ствол которого дымился — он разрядил его в землю, испугавшись за дочь, но гордость не позволяла показать это иначе.

— Ты цела? — хрипло выдавил он. Впервые за много лет в его голосе не было стали. Только сухой песок пережитого ужаса. — Цела, — ответила Анастасия. Голос звучал отстраненно, будто принадлежал кому-то другому. Она посмотрела на свои руки. Ни единой царапины. Лишь на коже проступили тонкие белые линии, складывающиеся в узор — ветви терновника. Они светились изнутри холодным лунным светом и медленно угасали.

Элоиза бежала к ним через кусты, продираясь сквозь ежевику. Ее лицо сияло чистым, незамутненным восторгом. — Видел?! — крикнула она, подбегая. — Видел, старая развалина?! Она отбросила его, как котенка! Кровь Господня, Лео, да она же...

Договорить она не успела. Леонардо резко выбросил свободную левую руку назад. Тяжелый латный наруч на его

предплечье с чудовищной силой врезался Элоизе в переносицу.

Хруст ломаемой кости был громче выстрела. Девушка вскрикнула, отшатнулась, зажимая лицо руками. Между пальцев хлынула кровь. Она осела в грязь, потеряв сознание еще до того, как ее тело коснулось земли.

— Заткнись, — тихо сказал Леонардо, даже не взглянув на племянницу (или сестру?). Его ледяной взор буравил Анастасию. — Садись в седло. Немедленно.

Он подъехал вплотную, ухватил дочь за локоть железной хваткой и буквально забросил ее на холку Искорки позади себя. Лошадь испуганно заржала, приседая на задние ноги.

Егеря суетились вокруг убитого кабана, опасливо поглядывая на графскую дочь, как на ядовитую змею. Барон фон Кранц, воспользовавшись общей суматохой, ползком скрылся в кустах, прижимая к груди спасший его жизнь кошелек.

Обратный путь в замок прошел в молчании. Леонардо гнал коня бешеным галопом, не щадя ни животное, ни всадниц. Анастасия держалась за отцовский пояс, чувствуя, как жесткие кольца кольчуги, скрытой под колетом, впиваются в ладони. Позади них осталась лежать Элоиза с разбитым лицом, и труп монстра, убитого словом.

Когда тяжелые ворота Дормонта закрылись, отсекая сырость осеннего леса, Анастасия поняла две вещи. Первая: ее маскировка раскрыта. Отец видел достаточно. Игра в наивную выпускницу закончилась. Вторая: она больше не одна.

Где-то в этом замке, возможно, истекая кровью на лесной тропе, находилась единственная кровь, которая не желала ей смерти. Искать союзников среди врагов — занятие рискованное. Но выбирать больше не приходилось.

Леонардо снял ее с седла во дворе. Его прикосновение больше не было оценивающим взглядом покупателя. Это был захват тюремщика, получившего в распоряжение редчайший артефакт. — В башню. Под замок, — бросил он капитану Гаррету. — Окна заложить кирпичом. Еду спускать на веревке раз в два дня. К ней никого не пускать. Даже священника. — Кирпичом, милорд? — уточнил одноглазый ветеран, лова поводья. — Если понадобится, замуруйте дверь, — глаза Леонардо вновь стали пустыми. — Моя дочь умерла сегодня утром на охоте. Несчастный случай. Горюющие родственники могут писать соболезнования в столицу. А эту... вещь... охраняйте так, как не охраняли королевскую сокровищницу. Если она исчезнет, я лично выпущу кишки каждому стражнику в этом коридоре. И начну с тебя, Гаррет.

Капитан побледнел, но лишь коротко кивнул: — Будет исполнено, милорд.

Когда грубые руки гвардейцев подхватили Анастасию под локти, она не сопротивлялась. Она позволила им вести себя через серый камень коридоров, вверх по винтовой лестнице Западной башни.

Последнее, что она услышала перед тем, как тяжелая дубовая дверь камеры отрезала звуки мира, был тихий, скри-

пучий голос отца, обращавшегося к кому-то в тени арки: — Отправьте голубя в столицу. Сообщение для магистра Ордена Зеркала. Код «Черная роза». Объект проявился. Жду инструкций.

Щелкнул замок. Шаги стражи стихли. Анастасия осталась в полной темноте. Комната была крошечной, вырубленной прямо в толще скалы. Пахло плесенью и отчаянием.

Она провела рукой по стене. Шершавый камень. Холодный. Надежный. Улыбнувшись в темноту, она достала из-за корсажа письмо матери. Теперь она знала наверняка: магистр Элиар — не единственный, кто ждет весточки. Сам Орден Зеркала только что получил сигнал о начале партии. И пешка впервые пошла против воли игрока.

Глава 4. Тайник в библиотеке

Камера Западной башни не была рассчитана на долгое заключение. Это был каменный мешок три на четыре шага, предназначенный для того, чтобы сломать волю пленника за пару недель сырости и темноты. Но Леонардо совершил ошибку. Он запер в этой комнате Анастасию фон Дормонт — девушку, которая последние десять лет провела в стенах пансиона мадам Дюбуа, где карцер считался лучшим местом для чтения запрещенных романов.

Первые сутки она спала. Организм, истощенный событиями охоты и шоком от дара, требовал перезагрузки. Проснувшись на рассвете второго дня, Анастасия обнаружила у двери поднос с куском черствого хлеба и кружкой воды. Пища пахла плесенью, но девушка съела все без остатка. Голод притупляет страх, а ей нужен был ясный разум.

Стражи молчали. За тяжелой дубовой дверью не раздавалось ни звука, кроме мерных шагов капитана Гаррета по внешней галерее раз в час. Одноглазый ветеран выполнял приказ буквально: он охранял камеру так, будто внутри сидело чудовище. Что ж, отчасти отец был прав.

Анастасия подошла к окну. Узкая бойница, выходящая во внутренний двор, действительно была заложена свежим кирпичом снаружи. Раствор еще отдавал запахом извести. Сквозь щели между блоками едва пробивался тусклый свет

пасмурного дня.

Она ощупала свои одежды. Платье измялось, изумрудный атлас покрылся серой пылью пола. В складках корсажа пальцы наткнулись на тонкую металлическую пластину. Медальон пансиона. Мадам Дюбуа говорила, что это золото высшей пробы. Сейчас тяжелый желтый металл казался бесполезным грузом.

Настоящее сокровище ждало своего часа под языком. Маленький алмаз, ограненный «розочкой», который Анастасия зашила в воротник амазонки перед отъездом из столицы — неприкосновенный запас на случай побега или необходимости купить молчание чиновника. Алмаз перекочевал в потайной карман рукава. Затем настала очередь платья. Тонкий шелк нижней юбки легко поддавался лезвию кинжала для фруктов. Через десять минут работы Анастасия имела при себе около трех метров прочнейшей нити, которую можно было использовать как пилу или удавку, и саму иглу.

Вечером принесли новую порцию воды. На этот раз стражник — молодой парень, судя по неуверенному шарканью сапог — оставил дверь приоткрытой чуть дольше положенного, пока ставил кружку на пол. Щель составила не более дюйма, но этого хватило. Анастасия просунула кончик пальца и зацепилась за край тяжелого засова. Конструкция замка была примитивной: вертикальный брус, входящий в пазы косяка. Снаружи его удерживал массивный навесной замок, но изнутри достаточно было просто приподнять брус.

Она выждала до глубокой ночи, когда шаги Гаррета стали медленнее и тяжелее — старый солдат начал клевать носом. Луна скрылась за тучами, погрузив коридоры замка в абсолютный мрак. Анастасия знала эти стены лучше тюремщика. Десять лет отсутствия превратили ее память в идеальную карту слепого.

Дождавшись момента, когда скрип половицы под ногой капитана удалился к восточной лестнице, она просунула нить в щель под дверью. Петля захватила ручку засова. Это заняло почти час бесконечного терпения и ювелирной работы пальцами. Руки покрылись ссадинами, ногти сорвались в кровь, но дерево медленно поддалось. Засов со щелчком вышел из нижнего паза. Еще одно усилие — и брус лег на порог.

Дверь открылась беззвучно, смазанная жиром, который Анастасия соскребла с остатков вчерашнего мяса. Она выскользнула в коридор. Холод камня обжег босые ступни.

Капитан Гаррет сидел на перевернутом ведре прямо напротив поворота галереи, прислонив алебарду к стене. Его единственный глаз был закрыт, голова свесилась на грудь. Старость и дешевое вино победили дисциплину.

Анастасия прошла мимо него в двух шагах, прижимаясь к холодной кладке. Сердце билось ровно. Пансион научил ее главному: если ты выглядишь уверенно и одет подобающе случаю, тебя принимают за часть интерьера. А сейчас она была частью мрака.

Целью была библиотека отца. Центральная башня. Самый охраняемый участок после сокровищницы, которой, впрочем, уже не существовало. Но библиотеки часто защищают от воров куда тщательнее, чем золото. Золото можно зарабатывать заново. Информация уникальна.

Подъем по винтовой лестнице занял вечность. Ступени стерлись посередине, образуя глубокую ложбину — столетия графов Дормонтов ходили здесь вверх и вниз. На площадке третьего этажа дежурил второй караул. Двое наемников играли в кости при свете масляной лампы.

Анастасия прижалась к тени алькова, где стояла старая рыцарская статуя. Из ее положения были видны только ноги стражей в стоптанных сапогах. Один из них громко испортил воздух и заржал. Второй лениво выругался. Дисциплина гарнизона рассыпалась на глазах вместе с властью графа. Люди чувствовали запах поражения и готовились спасти собственные шкуры.

Библиотечная дверь оказалась закрыта на врезной замок. Навесного бруса, как в башне, не было. Только сложная механика, сработанная гномами Горного Кряжа — редкость, стоившая целое состояние.

Отец считал себя умнее дочери. Он сменил замки в галерее, думая, что ключи остановят любопытство. Но он забыл, что дочь училась не только ариям. Мадам Дюбуа верила, что благородная леди должна уметь защитить свою честь самостоятельно, если дуэнья отлучится в туалет. Уроки об-

ращения с отмычками входили в расширенную программу для девушек, чьи состояния привлекали нежелательное внимание кредиторов.

Анастасия достала две шпильки из волос. Элоиза (мысленно девушка теперь называла ее именно так, отказываясь от официального титула племянницы) всегда смеялась над сложной прической сестры, говоря, что та прячет в волосах половину королевства.

Первая шпилька — рычаг. Вторая — крючок. Работа с личинкой замка требовала осязания, недоступного зрячему. Она закрыла глаза, превратив слух в зрение. Штифты падали один за другим с едва слышными щелчками, которые отзывались вибрацией в костях пальцев. *Щелк.* Первый круг защиты пройден. *Щелк.* Второй. Пять минут сосредоточенной тишины, прерываемой лишь пьяной болтовней наемников внизу, и язычок замка утопил скос.

Тяжелая дубовая створка отошла внутрь на толщину ладони. Запах старой бумаги, кожи и пыли ударил в лицо, смешиваясь с ароматом сухих трав, которые слуги сжигали для дезинфекции. Анастасия проскользнула внутрь и прикрыла за собой дверь, оставив крошечную щель для света из коридора.

Библиотека Дормонта была огромна. Потолок терялся во тьме на высоте двадцати футов. Лестницы-стремянки на колесиках стояли вдоль стеллажей, уходящих вдаль рядами черных теней. Здесь хранились тысячи томов: генеалогии,

трактаты по тактике, сборники законов мертвых империй.

Леонардо был педантом. Все книги расставлены строго по формату и цвету корешков. История слева, право по центру, естественные науки справа. Если бы мать хотела спрятать дневник, она выбрала бы место, которое нарушило бы эту симметрию. Место, куда взгляд хозяина падает реже всего.

Верхние полки. Туда, где скапливается паутина и откуда тяжело доставать тяжелые фолианты. Анастасия придвинула лестницу к секции «Алхимия и трансмутация металлов». Отец никогда не интересовался химией всерьез, считая ее забавой для недоучек-студентов. Эти книги стояли здесь годами нетронутыми.

Она поднялась на четвертую ступеньку. Пыль здесь лежала густым слоем, толщиной в палец. Проведи рукой — и отпечаток будет виден десятилетиями. Анастасия провела ладонью по верхнему обрезу книг. Твердые края. Твердые. Твердые...

Один из корешков поддался. Книга «О свойствах философской ртути» ушла вглубь полки на добрых два дюйма глубже остальных.

Анастасия сняла соседний том — огромный ин-кварто в переплете из свиной кожи. Образовавшаяся полость вела в темноту. Пальцы нащупали там предмет. Не бумагу. Плотную кожу, стянутую ремнями.

Это оказался кожаный тубус для карт. Ремни были застегнуты, но кожа ссохлась от времени. Внутри, обернутая в про-

масленный шелк, лежала тетрадь.

Сердце пропустило удар, когда ткань упала на стол, освещенный луной, пробившейся сквозь высокое окно. Обложка из темно-синего бархата истерлась на углах. Застежка представляла собой серебряную булавку, выполненную в виде той самой перевернутой розы, что украшала раму портрета в галерее.

Руки дрожали, когда Анастасия открывала первую страницу. Почерк матери. Тот самый изящный, летящий почерк из письма. Чернила местами расплылись, словно на бумагу капнули слезами, но текст сохранился идеально.

*«12-е число месяца Жатвы. Год 487 от Основания. *Сегодня я снова видела их во сне. Они стоят на краю Бездны и ждут знака. Леонардо смеется, когда я говорю ему об этом. Он называет это "дамскими мигренями". Мой глупый, самоуверенный муж. Ты строишь свой замок на спине дракона и думаешь, что держишь его за хвост. Ты держишь фитиль погребального костра».*

Анастасия перелистнула несколько страниц, пробегая глазами записи о погоде, урожае яблок и приступах меланхолии. Обычный женский дневник. До определенного момента.

«19-е число. Орден Зари нанес визит. Их старший, человек без лица под золотой маской, приезжал тайно. Он привез дары: корень мандрагоры, выкованный при лунном свете, и зеркало, которое не отражает живых. Он говорил о Конкордате. О том, что Круг Равновесия допустил ошибку,

пытаясь сдерживать Древних силой. Заря предлагает иной путь — интеграцию. Использование их энтропии для очищения земель. Я отказалась слушать. Магистр Элиар предупредил меня о них. Сказал, что Заря — это те же волки, просто надевшие пастырские рясы. Но Леонардо... Лео смотрел на золотую маску гостя с таким жадным блеском в глазах. Ему нужно серебро рудников любой ценой, даже если ради этого придется пустить чуму в наш собственный дом».

Орден Зари. Анастасия никогда не слышала такого названия. Судя по контексту, они были врагами тех самых Хранителей Равновесия, к которым принадлежала мать. И они имели доступ к отцу.

Она продолжила чтение, скользя взглядом по строчкам, написанным убористым бисером.

«3-й день месяца Листопада. Я проверила подвалы северного крыла. Шахтеры называют это место "Чревом". Там растет кристаллическая плесень. Она питается магией печати. Печать слабеет. Я пыталась наложить контр-рунное плетение, но сил одной недостаточно. Ну́рсен Круг из семи. Лео запретил мне спускаться туда. Сказал, что мои визиты пугают рабочих и снижают выработку. Какая жестокая ирония. Мы богатеем на продаже металла, который убивает землю под нами и выпускает то, что убьет нас самих».

«10-е число. Сегодня Ана спросила про звезды. Я сказала

ей смотреть на Большую Медведицу. Надеюсь, девочка запомнит. Если со мной что-то случится, дар перейдет к ней. Де Верни передают силу только по прямой женской линии. Мужчины рода глухи к эфиру, они могут быть лишь проводниками или тюремщиками. Лео чувствует мою тревогу. Он стал грубее в постели. Сегодня он впервые назвал меня "ведьмой" в шутку. Но в его глазах не было смеха. Он проверяет границы моего страха».

Листая дальше, Анастасия чувствовала, как волосы на затылке встают дыбом. Мать писала не для памяти. Она писала отчет. Хронометраж собственной гибели.

Записи становились хаотичнее. Бумага впитывала отчаяние.

«Зима. Ночи длинные. Огонь в очаге горит синим. Это не к добру. Синее пламя означает присутствие элементарей воздуха. Тех, кого призывает Заря. Замок умирает, Ана. Деревья во рву сбросили кору, хотя мороз должен был сохранить их живыми. Вода во рву больше не замерзает, она кипит снизу. Если ты читаешь это, беги немедленно. Не ищи доказательств. Не иди в библиотеку. Они используют знание как приманку...»

Здесь запись обрывалась жирной кляксой. Следующий лист был вырван с корнем. Остался лишь маленький уголок, зажатый между страницами. На нем виднелись две буквы: «...за...» «Они идут за...» Кем? За матерью? За дочерью?

Анастасия судорожно вздохнула, впиваясь ногтями в сто-

лешницу. Значит, версия отца об отравлении — ложь. Лили бежала не потому, что предала мужа. Она бежала, потому что увидела, *что* именно муж готовит этому миру. Сделка с бездной была реальной. Серебряные рудники Серых Холмов — это не просто ямы в земле. Это клапаны огромного котла, крышку которого Леонардо подпиливает уже пятнадцать лет.

Шум внизу заставил ее замереть. Смех. Громкий, раскатистый мужской смех. И голос отца.

— ...плевать на векселя! Пусть Ротвальд ждет своих процентов до Второго Пришествия. У меня есть козырь, который сделает меня богачейшим человеком севера. Богаче короля.

Библиотека находилась прямо над малым кабинетом. Голоса звучали приглушенно, но акустика каменных труб дымоходов работала безупречно. Анастасия метнулась к вентиляционной решетке в полу — массивной бронзовой плите с прорезями. Опустившись на колени, она припала ухом к холодному металлу.

— Вы уверены в расчетах, милорд? — голос принадлежал магистру Ордена Зари. Тот самый, тягучий, лишенный эмоций тембр человека, привыкшего носить маску. — Попытка преждевременного вскрытия узла приведет к выбросу плазмы. От Дормонта останется воронка глубиной в милю. — Ваши предшественники говорили то же самое моему деду, — самодовольно ответил Леонардо. — Дед испугался. Я —

нет. Печать держится на крови де Верней. Пока последняя из рода находится под моей крышей, контур замкнут. Я могу дозировать утечку. Мне нужна лишь формула катализатора. Та, что хранится в архивах вашей Зари. Взамен я отдаю вам проходы под перевалом Торнского. Пусть герцог сторит первым, когда небеса упадут. — Род де Верней опасен своей непредсказуемостью, — прошелестел гость. — Девочка вернулась. Ее потенциал выше материнского. Она чиста. Не испорчена нашими ритуалами. Если мы проведем Инициацию сейчас, она станет идеальным резонатором. Станция контроля выдержит нагрузку. — Исключено, — рыкнул Леонардо. — Ана — моя собственность. Моя гарантия безопасности. Вы получите контроль над узлом через меня. Или сделка отменяется. Кстати, о гарантиях. Барон фон Кранц сегодня утром пытался покинуть земли. Направлялся на юг. К людям герцога.

Повисла пауза. Анастасия задержала дыхание, боясь, что биение сердца выдаст ее. — Фон Кранц страдает провалами в памяти, — бесстрастно отозвался магистр. — Несчастный случай на охоте решит проблему окончательно. Кабаны нынче свирепы. Что касается девочки... Оставьте ее нам. Добровольное согласие жертвы снижает уровень энтропийного шума на сорок процентов. Боль искажает чистоту канала. — Она не даст согласия, — хохотнул Леонардо. — Характер у нее материн. Упряма, как мул. Поэтому завтра на рассвете состоится семейный совет. Я объявлю о ее помолв-

ке с капитаном Гарретом. Старый пес давно заглядывался на молодое мясо. Свадьба послезавтра. Венчание проведет ваш жрец. Прямо над штольной номер семь. Посмотрим, насколько сильно эта маленькая гордячка любит жизнь, когда выбор будет стоять между брачным ложем одноглазого убийцы и алтарем Великого Делания. Думаю, эфир она отдаст добровольно. Вместе с криком.

Магистр Зари издал сухой звук, отдаленно напоминающий смех. — Эффективно, граф. Цинично и эффективно. Именно поэтому мы выбрали вас. Подготовьте девочку. Инструменты должны быть серебряными. И принесите дневник вашей жены. Нам нужны последние координаты узлов, которые она успела зафиксировать. Без них матрица развертки нестабильна. — Дневник надежно спрятан, — заверил Леонардо. — Она его не найдет.

Стук ножек стула по паркету. Разговор окончился.

Анастасия отпрянула от решетки. Кровь стучала в висках так, что казалось, барабанные перепонки лопнут. Свадьба с Гарретом. Это не унижение. Это техническая необходимость. Старая дева, полная ненависти — плохой проводник энергии. А вот невеста, ведомая к алтарю силой, испытывающая животный ужас и физическую боль — идеальный аккумулятор. Отец собирался принести ее в жертву на глазах у всей северной знати, обрядив это в законный брак.

И Орден Зари заберет дневник. Ту самую книгу, которая сейчас лежит перед ней на столе. Если они получают обе ча-

сти головоломки — кровь наследницы и расчеты матери — печать рухнет. Бездна выплеснется наружу.

Взгляд девушки упал на полку под столом. Леонардо сказал: «Принесите дневник». Он знал, что книга здесь. Фраза «спрятано надежно» была игрой. Приманкой. Он хотел, чтобы она нашла дневник. Зачем? Чтобы она прочитала правду и сошла с ума от ужаса? Или...

Анастасия посмотрела на титульный лист. Перевернутая роза на обложке. Символ траура. Символ смерти. Символ Зари, как выяснилось. Она начала лихорадочно ощупывать переплет. Искусственная кожа. Никаких швов. Корешок. Твердый.

Она взяла со стола тяжелый пресс-папье из горного хрусталя и с размаху опустила его на верхний край обложки. Раздался сухой треск ломающегося дерева. Внутри задней сторонки переплета была вырезана полость. Глубокая, заполненная чем-то мягким. Пальцы извлекли оттуда сложенный вчетверо лист плотной чертежной бумаги.

Развернув его на столе, Анастасия склонилась ниже, используя лунный свет. Это был план подземелий замка. Но не официальных катакомб, известных страже. Это была схема древней дренажной системы, построенной еще первыми королями задолго до возведения стен Дормонта.

Красным воском на плане была отмечена точка глубоко под Северной башней. Рядом шла надпись, сделанная торопливым почерком матери: *«Ядро печати. Источник сквер-*

ны. Доступ возможен только через ливневый коллектор восточного двора. Люк скрыт под могильной плитой пса Брута. Лео думает, что плита — просто памятник. Ключ от люка — левая задняя лапа статуи в зимнем саду. Да простит меня Господь за осквернение покоя животного».

План объяснял многое. Почему вода во рву теплая. Почему деревья гниют заживо. Печать накладывалась на источник силы, находящийся точно под сердцем замка. И этот источник разъедал фундамент.

Но самым важным был другой символ на карте. Возле каждого входа в древние тоннели стоял знак, идентичный тому, что Анастасия видела на раме портрета. Перевернутая роза. Однако рядом с некоторыми шахтами был начертан другой символ: восьмиконечная звезда, заключенная в разомкнутый круг. Подпись гласила: *«Маршрут отхода. Использовать только в случае прорыва печати. Ведет к часовне Святого Валента на болотах»*.

Звук тяжелых шагов в главном зале библиотеки заставил ее вздрогнуть. Кто-то поднимался по лестнице. Не отец — его походку она узнала бы из тысячи. Этот человек ступал мягко, почти невесомо. Словно змея скользила по листьям.

Анастасия погасила свечу на столе одним выдохом. Темнота сомкнулась вокруг, густая и вязкая.

Она не стала прятаться под стол. Вместо этого она метнулась к высокому шкафу с географическими атласами, стоявшему вплотную к вентиляционной шахте. Нижняя полка

шкафа находилась в полутора футах от пола. Достаточно места, чтобы втиснуться, подтянув колени к подбородку, и закрыть за собой деревянную дверцу декоративного цоколя.

Она едва успела занять позицию, как дверь библиотеки открылась. Вспыхнул холодный, мертво-голубой свет. Он не отбрасывал теней. Магистр Зари вошел в комнату. Теперь, вблизи, стало видно, что золотая маска закрывает не лицо, а всю голову целиком, сливаясь с высоким воротником сутаны. В центре маски сиял крупный рубин, пульсирующий в такт дыханию человека.

Он подошел к столу. Его движения были экономными и точными. Он не тратил лишних усилий. Послышался звук отодвигаемого кресла. Затем — шелест пергамента. Магистр изучал оставленные Анастасией следы. Он провел пальцем по месту, где стоял хрустальный стакан с водой, определяя температуру испарений. Понюхал воздух.

Анастасия затаила дыхание, вжимаясь спиной в пыльные атласы. Пахло кожей и старыми картами. И чем-то еще. Озоном. Так пахнет воздух после удара молнии.

— Девочка неглупа, — произнес магистр своим нечеловеческим голосом. Звук исходил отовсюду сразу, вибрируя в костях шкафа. — Она нашла матрикулу. — Тогда возьмите ее, — раздался голос Леонардо от дверей. Граф остался стоять на пороге, не желая входить в логово врага. — Она ваша. Мне нужен результат. — Спешка порождает ошибки, граф, — осадил его магистр. — Она напугана. Страх делает

человеческую ауру хрупкой, как стекло. Одно неверное движение, и резонанс разорвет ее нервную систему. Мы потеряем канал. А без канала ваше серебро ничего не стоит. Оно просто металл. — У нас нет времени! — прошипел Леонардо. — Гаррет докладывает: разведчики Торнского замечены в дне пути. Если они увидят дым из-под земли... — Они увидят вулканическое извержение, которое уничтожит весь их фланг, — спокойно закончил за него магистр. — Успокойтесь. Займитесь подготовкой церемонии. Найдите платье белого цвета. Белый лучше всего проводит вибрации скорби. И пришлите ко мне вашего дворецкого. Кроуфорд слишком много видел в ночь изгнания Лили. Воспоминания делают людей болтливыми перед лицом Вечности.

Шаги направились к выходу. Голубой свет померк, переместившись в коридор. — Где дневник? — бросил Леонардо. — Там, где вы его оставили, — ответил магистр. — Между «Гримуаром туманных путей» и «Трактатом о солях». Ваша дочь искала ответы в эмоциях. Настоящие ответы всегда лежат в систематизации знаний. Она вернется сюда сама. Завтра ночью. Когда поймет, что бежать некуда.

Дверь закрылась. Щелкнул замок. Внешний — тот, что поставил Леонардо. И внутренний, магический, структура которого звенела в воздухе тонким комариным писком еще несколько секунд после ухода гостей.

Анастасия выбралась из укрытия, когда звуки шагов стихли на парадной лестнице. Ноги затекли и отказались держать

вес. Она сползла по дверце шкафа на пол, сжимая в руке чертеж подземных ходов.

Ее загнали в угол. Выхода нет. Ворота закрыты, гвардия верна отцу, крестьяне боятся леса. Кроме одного пути. Пути, который проложила мать специально для нее.

Бежать. Бросить замок, бросить Элоизу, бросить попытки разоблачить отца. Забиться в болота и молиться, чтобы Орден Зари и Торнский перебили друг друга.

Анастасия посмотрела на план. Часовня Святого Валента. Руины посреди топей. Место, проклятое всеми церковными соборами. Идеальное убежище для ведьмы.

Она аккуратно сложила карту и спрятала ее за лиф платья, рядом с письмом матери. Затем подошла к столу.

Магистр ошибся. Она пришла в библиотеку не за ответами об эмоциях. Она пришла забрать оружие.

Книга «О свойствах философской ртути» вернулась на свое место, скрыв пустоту в глубине полки. Анастасия методично прошла вдоль стеллажей. Ей нужны были другие труды. Практические. Те, что помогут выжить в лесу и противостоять магии.

«Флора северных ядов и противоядия». Том отправился в широкий рукав платья. «Основы фортификации и искусство осады». Слишком тяжелый, но информация о слабых точках старых замков пригодится. В сумку. «Краткий курс небесной механики». Астролябия поможет ориентироваться в болотах без компаса.

Она работала быстро и тихо, как библиотечная мышь. Закончив, она подошла к большому письменному бюро отца. Выдвинула центральный ящик. Там, среди гусиных перьев и баночек с песком, лежал ключ. Простой железный ключ от личных покоев. Леонардо имел привычку дублировать самые важные ключи и хранить копии в бюро, доверяя прочности печатей больше, чем честности слуг.

Анастасия забрала ключ. Затем открыла среднее отделение бюро. Там лежала гербовая бумага дома Дормонтов, личная печать графа и флакон с синими чернилами.

Обмакнув перо, она написала всего одну строку на чистом листе: *«Отец. Спасибо за науку. Играем белыми»*.

Она оставила лист в центре стола, придавив его тяжелым серебряным подсвечником. Это была не бравада. Это был психологический маневр. Пусть ищут беглянку, объятую животным страхом. Пусть укрепляют охрану внешних стен. Пусть ждут ее в спальне.

Анастасия фон Дормонт собиралась выйти через ту дверь, которую считали легендой. Через канализацию.

Она покинула библиотеку тем же путем, через галерею. Проходя мимо апартаментов Элоизы, дверь в которые была приоткрыта, она слышала тихие всхлипывания. Девушка очнулась после удара отца.

На секунду Анастасия замерла. Можно войти. Объединиться. Две дочери графа против безумного отца и демонического ордена. Но Элоиза была ранена, слаба и непредска-

зуема. Встреча с сестрой сейчас вылилась бы в истерику и вопросы. Время слов прошло. Пришло время действий.

Анастасия двинулась дальше, к черной лестнице для слуг.

Восточный двор встретил ее дождем. Могильная плита любимого охотничьего пса первого графа Дормонта действительно заросла мхом. Анастасия поддела край плиты ножом. Камень поддался с чавкающим звуком, обнажив сырую землю и корни травы.

На глубине локтя блеснуло железо. Небольшой медный сундучок, изъеденный коррозией. Внутри, в ложе из промасленной шерсти, лежал ключ. Тяжелый, латунный, с бороздками в форме созвездия Кассиопеи.

Ключ идеально подошел к замочной скважине чугунного люка, скрытого под следующим слоем дерна.

Из отверстия пахло спертым воздухом, древним тленом и озоновой свежестью работающих механизмов. Где-то далеко внизу глухо шумела вода.

Анастасия закрепила конец веревки, сплетенной из штор библиотеки, за кольцо в мостовой. Другой конец она бросила во тьму колодца.

Прежде чем спуститься, она посмотрела на окна отцовских покоев. Во втором этаже горел свет. Силуэт Леонардо мелькнул за стеклом. Он наверняка читал ее прощальную записку.

Девушка слабо улыбнулась. Впервые за эти дни на ее лице появилось выражение искреннего, детского торжества.

— Вы ищете принцессу в башне, мессир граф, — прошептала она в струи дождя. — А дьяволы всегда выбираются из-под земли.

Она перехватила веревку ногами и начала быстрый, контролируемый спуск во чрево замка, навстречу темноте, которая обещала либо спасение, либо смерть, но никак не свадьбу с капитаном Гарретом.

Глава 5. Служанка, которая слишком много знает

Древняя ливневая система замка Дормонт встретила Анастасию запахом времени. Это была не просто затхлость старого погреба; это был густой, маслянистый дух столетий, в котором смешались гниющие листья, ржавчина и озоновый привкус магии, пропитавшей камень насквозь. Вода внизу шумела ровно и глубоко — голос подземной реки, протекающей прямо под фундаментом Северной башни.

Веревка закончилась быстрее, чем она ожидала. Падение с последних двух футов выбило воздух из легких. Анастасия приземлилась на четвереньки в ледяную жижу, покрывавшую дно коллектора. Тьма здесь была абсолютной, осязаемой. Она давила на веки, заползала в уши, глушила звуки.

Она достала огниво и трутницу, которые предусмотрительно сунула в карман перед спуском. Искры высекались тяжело, пальцы дрожали от холода и адреналина. Наконец сухой мох занялся слабым, трепещущим огоньком.

Анастасия подняла импровизированный факел выше. Тоннель представлял собой кирпичную кишку высотой едва ли в человеческий рост. Своды заросли фосфоресцирующим грибом, который пульсировал бледно-зеленым светом в такт падающим сверху каплям. Карта матери лежала за

пазухой, защищенная промасленным шелком, но сейчас девушке нужно было другое: информация о людях. А лучшая информация всегда находится там, где люди чувствуют себя в безопасности от господских глаз — в кухнях и прачечных.

Восточный двор находился уровнем выше. Коллектор имел боковые ответвления — узкие трубы, предназначенные для отвода нечистот из уборных господского крыла. Именно туда вела мать, отмечая путь красными восковыми крестиками на плане.

Первый подъем занял полчаса. Скользкие кирпичи обжигали ладони холодом. Когда Анастасия наконец выдавила плечами чугунную решетку стока в полу чулана, пахло теплом, щелоком и свежеевыпеченным хлебом.

Чулан оказался кладовой для хранения свечей. Огромные штабеля воска уходили под потолок. Узкая полоска желтого света пробивалась из-под тяжелой дубовой двери, ведущей в главный коридор прислуги. Оттуда доносился звон посуды и неразборчивый гул голосов — замок просыпался к завтраку, не подозревая, что законная наследница вернулась в него через выгребную яму.

Анастасия выждала момент, когда шаги горничной удалятся в сторону кухни, и выскользнула в коридор. Здесь властвовал другой мир. Мир потертых половиков, дешевых благовоний и сплетен. Никто не обращал внимания на фигуру в темном дорожном платье — слуги привыкли к ранним визитам дворецкого или внезапным приступам хозяй-

ской бессонницы. Главное было держать голову опущенной и двигаться уверенно.

Ее целью была южная башня, а точнее — чердачные помещения над ней. Там доживали свой век те, чьи руки уже не могли месить тесто, а спины — таскать дрова. Среди них должна была быть Мирта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.